

THOMAS R. TRAUTMANN, *Kauṭilya and the Arthashastra*. A Statistical Investigation of the Authorship and Evolution of the Text. With a preface by A. L. Basham, Leiden, 1971¹

В нашем обзоре «Источниковедческие проблемы изучения Артхашастры» (ВДИ, 1972, № 1) отмечалась незначительность достигнутых результатов в области изучения эволюции текста так называемой «Артхашастры Каутильи» (КА) и выражалась надежда на статистическое исследование с помощью ЭВМ, проведенное недавно в Лондоне. Результаты этого исследования теперь опубликованы в рецензируемой книге. Мою работу поэтому потребовалось продолжить и обсудить новые данные и выводы Т. Траутманна.

Его книга состоит из семи глав: 1) «Каутилья и Артхашастра» (стр. 1—9), 2) «Са-
ṅkya-Candra Gupta-Kaṭhā» (10—67), 3) «Артхашастра и статистический метод в проблемах авторства» (68—90), 4) «Слова в качестве определяющих признаков» (91—122), 5) «Длина предложений и длина сложных слов» (123—131), 6) «Артхашастра, Бхаручи и Медхатитхи» (132—168), 7) «Времена составления Артхашастры» (169—187). Приложение содержит девять статистических таблиц.

В первой главе коротко сообщается о значении КА и основных аргументах, выдвинутых в поддержку и против традиционной версии об авторстве Каутильи-Чанакьи, советника Чандрагупты. По мнению Траутманна (стр. 9), споры о датировке зашли в тупик потому, что трактат рассматривался как единое произведение, имеющее одного автора. Доказательству противоположного и посвящена рецензируемая работа.

Вторая глава имеет самостоятельное значение как первая попытка проследить литературную судьбу цикла легенд о Чанакье и Чандрагупте. Отдельно разбирается палийская версия (преимущественно по комментарию в Махавамсе), джайнская (преимущественно по Паришиштапарвану Хемачандры), кашмирская (Кшемендра и Сомадева), версия Вишакхадатты в политической драме «Перстень Ракшасы» и версия античных авторов (Диодор, Курций Руф, Плутарх, Помпей Трог в изложении Юстина). Делается вывод об общем источнике палийской и джайнской версий и предпочтительности более последовательной джайнской версии. Кашмирская версия является местной переработкой легенды, а версия Вишакхадатты целиком подчинена основной цели — иллюстрации науки Артхашастры и поэтому содержит лишь отдельные элементы первоначальной легенды (стр. 46). Индийские тексты относятся к концу

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить проф. Ф. Вильгельма (Мюнхен) за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с этой книгой.

I — началу II тыс. и основаны на источниках, очевидно, гуптской эпохи (сер. I тыс.) или несколько более ранней. Указанные античные авторы первых веков н. э. в сообщениях о Нанде и Чандрагупте основываются не на сведениях современников Алксандра, а передают материал индийских преданий. Таким образом, античная версия является наиболее древним датированным изложением Сапакья-Candragupta-Katha (легенды о Чанакье и Чандрагупте) (стр. 63—64). Тот факт, что античные авторы не говорят о Чанакье, не имеет решающего значения в определении первоначальной формы легенды и историчности персонажа. Во-первых, сообщения их вообще незначительны, и, в частности, сам труд Помпея Трога неизвестен, во-вторых, фигура Чанакья, чуждая греко-римским литературным традициям, легко могла выпасть при странствовании индийской легенды на Западе (стр. 65).

Утверждать, что Артахаштра приписывается историческому лицу, значит слишком широко толковать слово «исторический». Чанакья скорее персонаж легенд, которые приписывают ему историческую роль (стр. 10). Легенды эти, впрочем, имеют широкое распространение, возникли довольно рано (к первым векам н. э. достигли Средиземноморья), посвящены историческим событиям. Поэтому проще предполагать существование исторического прототипа легендарного Чанакья, чем считать его совершенно вымышленной фигурой (стр. 67).

Совсем по-иному обстоит дело с традицией о тождестве Чанакья с Каутилей и об авторстве Артахаштры. Следуя Т. Барроу², Т. Траутманн считает, что не только Каутилья — родовое имя, указывающее на *готру* Кутала, но и Чанакья — тоже родовое имя, которое, следовательно, не могло принадлежать тому же человеку. Советника Чандрагупты звали Чанакья (как его обычно и называет предание), составители Артахаштры — Каутилья. Когда их отождествили, имя Каутилья было изменено на Каутилья и стало пониматься как эпитет «хитроумный» или «коварный».

Центральное место в книге занимают 3—5 главы, содержащие статистический анализ стиля КА. До сих пор статистическое исследование для решения проблем авторства применялось по отношению к средневековым латинским источникам, к сочинениям английских авторов XVIII в., греческим медицинским текстам, к посланиям Павла³. При статистическом анализе текстов позднего средневековья и нового времени задача обычно заключается в проверке, может ли данный текст по своим стилистическим признакам принадлежать тому или другому автору, оставившему сочинения, принадлежность которых не вызывает сомнения. В случае с древними, и в особенности, восточными текстами задача несколько иная, ибо обычно нет текстов, авторство которых несомненно, и можно проверить лишь стилистическое единство текста, т. е. выяснить, написан ли он одним автором или несколькими, найти «ядро» произведения или его гетерогенные части.

В области санскритских текстов работа Т. Траутманна представляет собой одну из самых первых попыток подобного рода. Поэтому прежде чем исследовать сам текст КА, нужно было выяснить, какие стилистические черты санскритского текста вообще можно считать наиболее надежными определителями авторства, какие стилистические показатели определенно варьируются у разных авторов и достаточно стабильны в произведениях одного автора независимо от времени написания текста и его тематики. При анализе текстов на других языках уже выяснено, что основная лексика приблизительно одинаково употребительна в сочинениях разных авторов и, таким образом, не может характеризовать стиль отдельного писателя. Наиболее надежный показатель авторства — это частота употребления неизменяемых частиц, союзов, наречий и т. д.

² T. B u r r o w, Canakya and Kautilya, «Annals of Bhandarkar Oriental Research Institute», 48—49, 1968, стр. 17 сл.

³ См., например, W. C. W a k e, Greek Medicine in the 5th and 6th Centuries B. C., L., 1946; «The Corpus Hippocraticum», L., 1951 (определяется группа текстов, принадлежащих одному автору, вероятно, Гиппократу) и A. M o r t o n, The Authorship of Greek Prose, «Journal of the Royal Statistical Society», Ser. A, 128, 1965, стр. 169 сл. (доказывается, что послания к римлянам, к галатам и I и II к коринфянам принадлежат одному автору, вероятно, Павлу).

(стр. 78—82). Т. Траутманн (стр. 95) по комментарию Патанджали (II в. до н. э.) к грамматике Панини выделяет группу наиболее употребительных неизменяемых частей речи и, после проверки на материале средневековых санскритских текстов с надежным авторством, как прозаических (Гангеша «Таттвачинтамани», Сомадеवासурин «Нитивакьямрита»), так и стихотворных (Кальхана «Раджатарангини» с добавлениями Йонараджи «Манасолласа»), оставляет следующие пять: *eva*, *evam*, *ca*, *tatra*, *vā*. Правомерность употребления именно этих слов в качестве различителей (*discriminators*) доказывается им на указанных пяти контрольных текстах. Все подсчеты и вычисления частоты их употребления в 20-словных блоках контрольных текстов даны в таблицах приложения.

После этого автор переходит собственно к исследованию текста КА. Наиболее обширные отделы, дающие возможность вполне достоверных статистических вычислений, это второй, третий и седьмой. Они существенно отличны и по тематике, соответственно: о деятельности надзирателей, о судопроизводстве, о методах внешней политики. Т. Траутманн показывает, что каждый из этих больших отделов по указанному признаку представляется единым и в то же время они резко отличаются друг от друга, то есть, вероятно, принадлежат трем различным авторам. Остальные отделы группируются Траутманном вокруг этих трех, исходя одновременно из близости по содержанию и по указанному стилистическому показателю. Первый и, возможно, восьмой отделы, по его мнению, близки ко второму. Четвертый и, может быть, пятый — к третьему. Девятый и, может быть, десятый — к седьмому. Шестой, одиннадцатый и четырнадцатый слишком коротки для статистического анализа. Двенадцатый и тринадцатый отделы, возможно, образуют группу, принадлежащую еще одному автору (стр. 118—119). Составление пятнадцатого отдела, добавление списка глав и пракаран (разделов) в начале первого отдела и деление всего текста на главы, как доказывает Траутманном выше (стр. 75), принадлежат позднему редактору (см. также ВДИ, 1972, № 1, стр. 219).

Для подтверждения предложенного членения текста КА исследователь пробует иные стилистические показатели. Один из них, длина предложения, испытан при анализе индийских текстов. Но при проверке оказывается, что это ненадежный критерий для санскритских текстов. Длина предложений сильно варьирует в произведениях одного автора и, главное, слишком часто зависит от издателя. Достаточно сказать, что в издании Р. П. Кангле КА имеет почти на четверть меньше предложений, чем в лакхорском издании Ю. Иолли и Р. Шмидта (стр. 126—127). Для санскрита очень характерны различного типа сложные слова. Поэтому частота употребления сложных слов может быть важным критерием определения стиля. Автором проделана и эта работа, хотя, по его собственному признанию, проблема применения в качестве теста частоты употребления сложных слов нуждается в дальнейшей разработке. Итог его анализа употребления сложных слов в КА таков: второй отдел, во всяком случае, резко отличен от третьего и седьмого. Объединение пятого отдела с третьим и, в особенности, девятого с седьмым становится более убедительным, в то время как объединение первого со вторым и четвертого с третьим отделом выглядит менее удачным (стр. 131).

В результате всей этой работы выясняется, что КА не есть произведение одного лица (стало быть, безусловно не Каутильи) — в тексте видна рука не менее чем трех авторов. Этот основной вывод доказан точными методами и может войти в науку как факт. Дело исследователей — интерпретировать этот факт. Сам автор объясняет его ссылкой на «Камасутру» Ватсьяны — эротический трактат, составленный, очевидно, под влиянием КА. В начале «Камасутры» рассказывается о том, что существовали отдельные трактаты по различным областям эротики, которые Ватсьяна сократил и изложил вместе, так что предмет отдельного трактата стал предметом глав его компендия науки любви. Траутманн полагает, что точно так же существовали отдельные трактаты «прежних учителей» (*pūrvacaryaḥ*), которые некий компилятор сократил и объединил в законченном произведении энциклопедического характера. Указание на это Траутманн находит в начальном стихе КА (стр. 169—174). Таким образом, нельзя говорить о «времени составления КА». Каждая из выделенных частей имеет свое время составления, и время составления каждой части предшествует времени появления трактата в печат. О времени составления седьмого и близких к нему отделов КА, за отсутствием

конкретных данных, можно судить только на основе большей или меньшей развитости теории и пока ничего определенного сказать нельзя (стр. 184—185). Часть трактата, посвященная судопроизводству, составлена, очевидно, до создания «Яджнавалкья-смити» и, возможно, предшествует вообще внедрению развитого юридического материала в литературу *дхармашастр* (стр. 184—186) (точка зрения, которая подробно защищалась в предыдущей моей работе; напрасно Траутмани, постоянно указывающий работы своих предшественников, в данном случае не упоминает об обосновании этого тезиса в литературе, по крайней мере, с 20-х годов). Второй отдел наиболее удобен для датировки, поскольку содержит большой конкретный материал. Большая часть этих данных уже обсуждалась в предыдущей рецензии. Подробно развивается также очень интересный аргумент, выдвинутый в свое время Х. Райчаудхури⁴, относительно названия Цейлона (стр. 178—182). В КА Цейлон называется *raḡasamudra*, а в надписях Ашоки *tambaraṇṇi* (санскр. *tāmraraṇṇi*). Название Палайсимунду вместо прежнего Тапробане впервые автор Перипла Эритрейского моря (конец I в. н. э.) (§ 61) употребляет для Цейлона, а также Плиний Старший (VI, 81 и далее), рассказывая о плавании вольноотпущенника Анния Проклама на Цейлон, употребляет в качестве названия столицы Тапросаны название Палайсимунду. Ко времени Птолемея (сер. II в.) это название исчезает, и Птолемей (7, 4, 1) говорит о Тапробане, которую прежде называли Палайсимунду, а теперь Салике (Цейлон). Таким образом, в античном мире редкое название Цейлона *raḡasamudra* имело хождение лишь в I—II вв. н. э., а в Индии оно засвидетельствовано лишь КА и поздними палийскими источниками. Это указывает опять-таки на I—II вв. н. э. как наиболее достоверную дату составления второго отдела КА. Хорошо согласуется с этой датой и употребление санскрита в качестве языка, на котором составляются царские надписи: единичные надписи на санскрите встречаются со II в. н. э., но массовыми они становятся лишь со II в. н. э. и особенно в эпоху Гуптов (стр. 176). Но слишком поздно датировать второй отдел КА кажется Траутманну невозможным потому, что в главе о надзирателе за монетным делом речь идет как будто о так называемых «клеименых монетах», имевших распространение преимущественно в эпоху Маурья. После II в. н. э. эти монеты вовсе исчезают из обращения.

Нисколько не желая выходить за хронологические рамки, указанные автором, я все же не могу считать убедительным аргумент о «клеименых монетах». Если во втором отделе говорится действительно о «клеименых монетах» как единственных государственных монетах, то текст нужно датировать не II в. н. э., а значительно более ранним временем. Объединить этот аргумент с другими вряд ли возможно. Но совершенно не доказано, что в КА говорится о «клеименых монетах». Название чина монетного надзирателя *lakṣaṇādhyakṣa*, конечно, традиционное, а название самой монеты *gūrua* вообще ничего не дает. И само развитие денежного обращения, кажется, говорит против тезиса о «клеименых монетах».

Траутмани предлагает датировать второй отдел КА условно серединой II в. н. э., а компиляцию в целом несколько более поздним временем, однако, не позднее III в., поскольку с IV—V вв., как отмечалось, можно найти уже указания на КА и следы ее влияния (стр. 175 и 184).

Д. Шлинглофф в 1965 г. опубликовал большую статью, посвященную сопоставлениям текста КА и комментария Медхатитхи (IX в.) к VII главе «Законов Ману»⁵. Он пришел к выводу, что Медхатитхи использовал при написании комментария не КА, как считалось ранее, а несколько отличный от нее текст, сочинение предшественника «Каутильи», очень близкое КА. Тогда же был открыт более ранний (вероятно VIII века) комментарий Бхаручи. Благодаря Д. Деррету, готовящему комментарий Бхаручи к изданию, Траутмани располагал текстом комментария. В шестой главе рецензируемой книги собраны все текстуально близкие и тождественные места КА, Бхаручи и Медхатитхи. Это важно для выбора верного чтения и КА и комментария. Траутмани приходит к выводу, что Бхаручи знал известную нам редакцию КА, но не всегда точно ее

⁴ H. R a y c h a u d h u r y, *Miscellanea*, «Indian Antiquary», 48, 1919, стр. 195.

⁵ D. S c h l i n g l o f f, *Arthaśāstra-Studien*, WZKSO, 9, 1965, стр. 1 слл.

цитировал и не ограничился ею, используя и другие сочинения по *артхашастре*. Медхатитхи, очевидно, знал КА через посредство Бхаручи (стр. 167). Кроме того, Медхатитхи дважды цитирует некую книгу *adhyakṣaracāra* («область деятельности надзирателей»). Второй отдел КА носит то же название, но указанных цитат в КА нет и одна из цитат говорит о достоинствах советника (*mantrin*), т. е. о вопросе, обсуждаемом не во втором, а в первом отделе КА. Траутманн находит, что цитируемая книга была как раз тем сочинением, которое использовал компилятор, внесший основной материал во второй и частично в первой отдел КА (стр. 173—174). Это соображение кажется совершенно неубедительным. Само название книги, как и главы, очевидно, традиционное (стр. 168). *Adhyakṣaracāra*, очевидно, иное сочинение, чем второй отдел КА. Но почему ее нужно рассматривать в качестве и с т о ч н и к а КА, а не в качестве более позднего или современного и вполне независимого сочинения на ту же традиционную тему? Две цитаты у Медхатитхи — слишком мало для сравнения с КА, но сопоставление «идеала министра» в цитате и в первом отделе КА не имеет ровно ничего общего: вторая цитата также вряд ли могла бы «дополнить» второй отдел КА.

Таким образом, эта единственная попытка Траутманна найти указания на конкретные источники КА, которые должны были существовать и после ее компиляции, мне представляется неудачной. Это не исключает, впрочем, возможности предлагаемой им реконструкции истории КА как компиляции отдельных трактатов по различной тематике. Вполне вероятно, что те конкретные авторы, мнения которых излагаются в КА, писали не по всей тематике КА, но были лишь составителями *нитышастр*, то есть в их сочинениях не было параллелей ко II—IV отделам КА (деятельность надзирателей и судейских чинов). Возможным представляется и отдельное существование трактатов типа *adhyakṣaracāra* и трактатов о судопроизводстве. Группа *дхармашастр*, очевидно, гуптского периода — Нарада, Брихаспати, Катьяяна — по существу своему, не являются дхармашастрами. Это — трактаты о *vyavahāra* — судебной процедуре: они никогда не имели других разделов, обычных в *дхармашастрах* — о религиозных обычаях и обрядах (*śāra* и *prāyascitta*). Цитаты из этих памятников в средневековых комментариях и сборниках все посвящены именно юридическим вопросам. Лишь в очень поздних сочинениях этим авторам приписываются цитаты, не относящиеся к *vyavahāra*. Можно найти определенную близость между этими сочинениями и III—IV отделами КА о судопроизводстве. Нельзя исключить возможности, что в основе Нарадасмрити, Брихаспати и Катьяяны лежит материал специальных трактатов о судопроизводстве типа *артхашастр*.

Но можно сомневаться, является ли каждый из больших отделов КА простым сокращением лишь одного безымянного памятника, не оставившего более никаких следов. Древние тексты все отличаются традиционностью стиля и компилятивностью содержания. В области изучения *дхармашастр* оказались до сих пор безуспешными попытки находить зависимость одних текстов от других, хотя *дхармашастр* сохранилось множество и традиция *дхармашастры* никогда не исчезала в Индии — настолько же сложное должны быть поиски источников КА, сочинения, подобного которому не сохранилось, и сама научная традиция прервалась. Нужно, во всяком случае, быть осторожными в поисках источников КА и не преувеличивать значения этих источников.

Надо отметить, что школы *артхашастр*, как это видно и по указаниям КА, и по цитатам у средневековых комментаторов (например у Вишварупы) занимались всей тематикой *артхашастры*, т. е. не только вопросами собственно политики, внешней и внутренней, но и администрацией и судопроизводством. Те *шастры*, из которых черпал сведения компилятор КА, принадлежали о д н о й научной традиции, науке об *артхе*, они все были в конечном счете, *артхашастрами* (между прочим, различием литературно-научных традиций и аудитории вполне могут объясняться и отличия КА от *дхармашастр* как в правовых концепциях и положениях, так и особенности языка КА, в котором находят праkritизмы, элементы неклассического санскрита).

Траутманн справедливо заканчивает свою книгу словами: «То, чего лишается „Артхашастра“, не будучи индивидуальным трудом, она приобретает в качестве представителя лучшего, что создано поколениями мыслителей. В своей безличной, абстракт

ной манере обобщая древнеиндийские представления о государстве, она обладает такой авторитетностью, какой не могло бы иметь произведение никакого отдельного автора».

Нельзя не согласиться с крупнейшим современным индологом проф. А. Л. Бэшем (под чьим руководством была выполнена работа Траутманна), который пишет в предисловии, что это одна из наиболее значительных текстологических работ во всей послевоенной индологии. Проф. А. Л. Бэшем выражает твердую уверенность, что настало время коренного пересмотра всей древнеиндийской истории, какой бы громадной ни казалась эта задача. Основой такого пересмотра должны служить данные археологии и тщательное текстологическое изучение всех индийских письменных источников, включая Ригведу, Махабхарату, палийский канон, — статистическое исследование этих текстов, пионером которого является Томас Траутманн.

А. А. Вигасин